

УДК 1(091)

ПРИРОДА СИМВОЛИЧЕСКОГО АКТА: СИНХРОНИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ (СТАТЬЯ 2)

В.В. Ильин, А.А. Калинин

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана», г. Москва

Рассматриваются предпосылки, фазисы инкорпорации личности в символический контур культуры. Вызревание человеческого осмысливается в терминах автоморфных конститутивных процессов в зоне ближнего социокультурного развития.

Ключевые слова: социализация, личность, символический обмен деятельностью.

«В ощущении содержится весь разум – вся совокупность материала духа», – отмечал Гегель [4, с. 245]. Гегелевский тезис – не гипербола. Правота суждения автора «Феноменологии духа» выясняется при учете следующего.

Перцепция – синтетический процесс, деятельность по интегрированию отображаемых предметных деталей. Цельность перцепции не исходна (концептуальный изъян гештальт-платформы), представляет результат длительной тренировки. Перцепция – двувекторный процесс: действие объекта на субъект – ввиду немеханистичности копирования – сопровождается встречным действием субъекта на объект – установки, мотивации, интенции по избирательному, ориентированному чувственному освоению действительности, активному, саморегулируемому решению перцептивных задач. Перцепция – опосредствованное явление, «исследовательская реакция» (Павлов) (оценка параметров, опознание объектов, построение образов, сравнение их с оригиналом, корректировка, избирательность – отвлечение, привлечение признаков и т. п.). Перцепция интеллектуализована – отнесение к классам объектов, выделение существенных и второстепенных признаков, соотнесение с объектом сведений о нем (историзация) предполагает активную категоризацию и символизацию содержания, его знаковую фиксацию.

Многообразная, всесторонняя опосредствованность перцепции внеперцептуальными параметрами сугубо подрывает ее «чисто» физиологическую трактовку. Верно, по своему генезису перцепция физиологична, но она не физиологична по своему статусу. Статус перцепции есть функция сложения:

– материи: *sense data* – предметно-содержательная ткань чувственности как эволюционно высоко эффективной инстанции, в силу своей рефлексной генеалогии отображательно адекватной, безусловной;

– формы: превращение опытных данных в «собственность знака» – второсигнальное «оприходование» чувственности с переводом перцептивной материи в дискретные языковые выражения, а через языковую дискретизацию в единицы мысли и речи – в условные знаковые значения.

«Слово есть сознание», – дополняет Гегеля К.С. Аксаков [1, с. 22]. Вербализация, сигнификация, второсигналивание чувственности выводит на широкий фарватер интеллектуализации: интеллектуальная обработанность, т. е. осмысленность, включенность в сознание, различают восприятие человека и животного. Человеческая перцепция *in medias res* не может быть физиологическим актом, она может быть только актом символическим.

Чем конкретно определяется перевод перцептивных процессов из разряда физиологических в разряд символических? Отвечая прямо и односторонне, скажем: каскадом синтезов.

1. Пресловутое звено «чистой» перцепции. В силу объективно высокой адаптивности физиологического механизма чувственности, действующего по принципу безусловного рефлекса в рамках первосигнального отображательного процесса, гносеологически капитальным назначением сенсорики в познавательной деятельности, данный механизм оправдывающей, является поставление материи, ткани, вещества познания. Субстрат чувственности – наглядно-предметные образы, ввиду константности, инвариантности восприятия, его рефлекторной природы – информационно, отображательно достоверны.

Динамика восприятия описывается «законом перцепции» Н. Ланге: вначале формируется общий сценарный план предмета (диффузное представление), в дальнейшем под влиянием интенций детализирующийся. Поскольку образ по содержанию экстерииоризован (предметен), а по форме интерииоризован (духовен), возникает серьезная реконструктивная проблема рефлексивного воссоздания фигур предметного мира в фигурах мира духовного. На данной стадии проблема получает решение в терминах ассоцианизма, провиденциализма, гештальтизма, эволюционизма.

Ассоцианизм не устраивает волюнтаризмом, механицизмом (автоматизмом) в трактовке самого принципа ассоциации; одновременно он снабжает перспективными объяснительными комплексами – экспликативный детерминизм в моделировании генеалогии ассоциаций по правилам смежности, живости, повторения, сходства, контраста.

Провиденциализм (предопределение, *harmonia prestabilitada*), как было установлено ранее [8], – в постулировании заложенного изоморфизма (структурного подобия) «ряда идей» и «ряда вещей» заявляет себя либо как мистическую, либо как «ленивую» теорию, что исключает ее притязательные потуги быть теорией адекватной.

Гештальтизм. Психологические функциональные упорядочивающие структуры вполне реальны, но не факт, что преформичны (во всяком случае нам ничего об этом неизвестно). Воспроизводимые гештальтизмом рабочие модели структурализма в трактовке консолидации сенсорных образований – тяготение частей к симметричному целому, группировка по простоте, близости, равновесию, прегнантности – достаточно эффективны при решении обозначенной выше гносеологически капитальной реконструктивной задачи: духовного восстановления перцепции как фактурно экстериоризованного, но отображательно интериоризованного феномена.

Эволюционизм – допущение естественно-исторической сплоченности фигур внешней и внутренней реальности, тематизируемой рефлексивной концепцией психики (Сеченов), концепцией сигнальной регуляции головным мозгом поведения живых существ (Павлов). Обособливаемая здесь первая сигнальная система дает непосредственное (!) улавливание органами чувств идущих извне воздействий – от ощущений «первичных качеств» до синестезии.

Оцениваемое звено – весьма «узкий», «неинтересный» фрагмент гносеологии, не имеющей возможности проявить себя в полной мере в качестве амбициозной теории. По необходимости в данном месте рассуждений ограничиваются невдохновительными соображениями: живое созерцание, непосредственное запечатление, материя духовности и т. д. Практически все эти глубокомысленные обороты покрываются физиологическим потенциалом перцепции, прогрессирующем в естественном совершенствовании сенсорного аппарата (к примеру, трансформационный ряд: светочувствительная пластика кишечнорастворимых – фасеточный глаз насекомых – камерный глаз позвоночных).

2. Серьезная реконструктивная проблема: рефлективное воссоздание из потока «непосредственных» ощущений, «первичных качеств» духовного аналога предмета. Она решается введением следующего звена. Соответственно традиции изошренной средневековой философии (аппаратом которой в трансцендентальной эстетике пользовался Кант), назовем это звено – формальный синтез ощущений. Функциональное назначение данного продуктивного фазиса: не привнося ценностных моментов, реализовать связь ощущений в «живом созерцании».

Выстраивание духовной копии, образного дубликата предметного производится как его отображательное представительство в лице неполной (усеченной) субъективной картины структурных параметров воспринимаемого. На этой стадии формируется не образ, но лишь сигнально-аналоговое воспроизведение, оказывающееся духовным коррелятом, синкретическим инобытием вещного. Предметность здесь выступает в роли значимого источника, провокатора потенциального содержания. Феноменология процесса: направленное влияние вещи; первосигнальная реакция; активация рецепторов; корковой проекционной зоны; претворение.

3. Эскалация продуктивной деятельности в решении реконструктивной проблемы. Очередное звено: реальный синтез – замещение предмета образом. В отличие от формального реальный синтез привносит ценностные интенции, диспозиции. Исходный пункт продуктивных связываний в движении от представительского синкресиса предметности к полноценному образу – предвнимание, налаживающее концентрацию восприятия на отдельные признаки. Избирательность восприятия – следствие избирательности предвнимания, в свою очередь оказывающегося следствием установочных когнитивных карт, нацеливающих на отбор предметных процессов через ориентирующие схемы. Филогенетически, скорее всего, они (схемы) складывались стихийно – путем проб и ошибок – как наращивающие адаптационный багаж новообразования. Онтогенетически они вводятся развивающим воздействием СЗК (социализация) в младенчестве (до года) привлечением, перенаправлением внимания в кругу аффектационного, малозаметного, ономатопоэтического, остенсивного общения.

Ориентирующе-регулирующее перцепцию предвнимание сменяется вниманием, нацеливающим на обособление в предметных процессах относительно существенного. Такого рода нацеливание идет с активным использованием методик оформления ассоциаций по принципам сходства, преемства, пространственно-временной связности и т. д. в игровой вещно-манипулятивной деятельности.

Реальный синтез – опосредствование, вписывающее поток ощущений в комплексы ранее накопленного и ситуационно актуализируемого опыта (воображение, память, реминисценции) – так называемое апперцепирование. Если опираться на традицию, в томизме за подобные действия ответственно «познавательное чувство» – *cogitativa*, или «частная мыслительная сила» – *vis cogitativa* (равно как создающий ориентации души «частный рассудок» – *ratio partialis*).

Смысл данного «оборудования» – схватывать представляющие ценность содержания, объективировать прочувствованные намерения, судить об отдаленных и текущих чувствительностях, напрягать воображение для усмотрения в предметном важного, идентифицировать в конкретном признаки, генерализируемые понятиями. Как видно, «восприятие» не действует со слепотой естественной силы. Восприятие – процесс

– эшелонированный: чувственность перемежается в нем со сверхчувственностью;

– конструктивный: составление предметных образов реализуется сопоставлением вещных коннотаций в разнообразных контекстах с апперцепированием [13, с. 148];

– избирательный: фокусированный на подведение предметных признаков под целеориентирующие схемы;

– интериоризирующий: перевод в духовно-аналоговый, информационно-репрезентационный план предметных структур, признаков, отношений;

– интегративный: упорядочение чувственного многообразия ассоциативным согласованием, иерархированием его составляющих.

Феноменология процесса: схематическое введение структурообразующего отношения в качестве внутреннего стимула деятельности; принятие специфических моделей общесенсорных качеств; отнесение к базовым предметным признакам; обработка чувственного потока с комплексным эффектом – целостной идентификацией воздействующего в субъективной картине. Так, восприятие «леса» протекает как «собирабельная перцепция», отнесенная к «древесному массиву»; вследствие дробления видоразличительных схем возникают перцептивные детализации – «конфигурации», «цвета», «породы» и т. д., оказывающиеся чувственно более чувствительными коррелятами (перцептивными понятиями) [2, с. 58] вещного.

4. Сигнификация. Преобразование сигнала в знак. Знаковый синтез. Синтетическое существо данного звена проявляется в соединении локальных пространственно-временных измерений образа с надлокальным информационно-аналоговым «значением». В итоге актуализируется 5-мерное многообразие: псевдоевклидов пространственно-временной интервал с приданным ему интервалом знакового значения. Задача первых трех звеньев – удерживая связь с предметностью, поставлять материю духовного опыта (*sense data*) в непосредственном контакте с ней (предметностью). Задача четвертого звена – знаковое оконтуривание перцепционных рядов, постановка им в соответствие знаковых идентификаторов-коррелятов. В последнем легко просматривается нагнетение опосредствующего момента – движение от непосредственного взаимодействия с вещами к образной их представительности и от нее к знаковой представительности с усиливающейся рефлексивной обработкой – восхождением от чувственной конкретности (конкретности по материалу) к духовной абстрактности (абстрактности по форме и абстрактности – интеллектуальной бедности – по содержанию).

Предпосылки отправления знакового синтеза – известная степень развития способности произносить членораздельные звуки в пакете с известной степенью развития духовных способностей [7, с. 248].

Знак вещи предъясняется ребенку в ходе вещно-манипулятивной (игровой) деятельности вместе со словом, через слово, которое является второсигнальным раздражителем. В этом своем качестве слово инициирует социализационно труднейший переход от «чистых» значений восприятия к речевым их выражениям. Движение от «чистого» значения к речевому выражению, собственно, и есть речевое онтогенетическое развитие. В силу полифункционального статуса знаковой информации зву-

чащее слово индуцирует поливариантный тип человеческого прогресса по следующим координатам

- реальность (отображение, информация о мире);
- знак (строевость, информация о слове);
- коммуникация (социальность, информация об адресатах и адресантах).

Слово как искусственная (символическая) сигнализация усиливает совершенствование мысли, речи, общительности. Из слов (в речи) строятся предложения, получают материализацию мысли, заявляются уровни интеракции. Из одной точки – синкретис речи, мысли, общения – разветвляются разные типы синтаксисов с разными инструментальными функциями:

- слово – организованные в грамматические единства группы слов (фразы) – фразовые объединения;
- мысль (понятие, идея) – выстраиваемые из мыслей высказывания (суждения) – исчисление высказываний;
- коммуникация – поведение – активность, покрывающие все богатство символической реализации человека.

Учитывая сказанное, правильно всецело солидаризироваться с Л. Ельмслевым, рассуждающим о призвании тематизирующей статус слова лингвистической теории, правда, с одной поправкой: речь должна идти о лингвистике в редакции «символистика», – а именно: «лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы... но также и признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» [5, с. 381].

Итак, зафиксируем: знак совпадает со словом, из слов строятся предложения; одновременно знак замещает предметное содержание, совпадает с мыслью, из мыслей строятся суждения. Речь – средство общения, мысль – средство познания – являются дериватами радикализации новой языковой ценности [7]. Как второсигнальный ресурс человечности функционально язык не обслуживает непосредственно проблем выживания (1-я сигнальная система). Употребление знаков, сигнификация, предполагающие переход на искусственную (не физиологически детерминированную) сигнализацию, означают символическую регуляцию индивидуального и социального поведения, обслуживание проблем культуры; культура пробивается к человеку через знак.

Для уяснения возможностей знака как средства культуростроения, крепящегося на единстве языковой формы и мыслительного содержания, обопремся на ряд известных лингвистической теории базовых понятий.

Фонема – минимальная единица языкового строя языка, обслуживает выражение, различение значимых единиц языка – морфем, слов, фраз.

Морфема – минимальная значимая часть слова (корень с аффиксами), выражает грамматическое и лексическое значение.

Граммема – минимальное грамматическое значение, представляемое словоизменительными аффиксами или служебными словами.

Лексема – единица словаря языка; совокупность значений одного языкового комплекса (блок парадигматических – «стул», «стула», «стулу» – и семантических «стул» – предмет мебели и медицины – форм); слово суть лексема, привязанная к определенным группам выразительных ассоциаций (сочетаний), в кругу которых узнается как воплощение единого смысла [3, с. 372].

Сема – единица смысла, минимальный компонент значения. Семы объединяются в семемы – единицы плана содержания и архисемы – группировки сем («мать», «отец» – «родственник»); сема – смысловая единица лингвистического анализа, семема – аналогичная единица семантического анализа.

Реалема – инвариант референтов, реалий, сгусток существенного, общего в знаках, типовая предметность (типаж предметности), необходимые атрибуты которой передаются лексическими единицами языка, сигнификатами, значениями знаков (реалема «стул» понимает все многообразие предметов данного типа); семантическими референтами единиц языка оказываются не экземпляры, а реалемы – «комки» объективных свойств [9].

Единство словесных и смысловых пластов слова передается фигурой «лексико-семантический вариант» (ЛСВ – слово-понятие), которому поставлена в соответствие психическая единица – переживание значения языкового выражения – монема. Из внутренней речи во внешнюю монемы переводятся фонемами. Единицы плана выражения – морфемы и лексеммы – соотносятся с единицами плана содержания – семемами, получая интерпретацию.

Опора на заимствованные из лингвистики понятия позволяет рельефнее уяснить: слово как знак имеет

– психофизиологическое измерение – единство фонем и монем, актуализирующих ЛСВ во внешней и внутренней речи;

– грамматическое измерение – единство морфем и граммем, осуществляющих выразительную актуализацию ЛСВ;

– лексическое измерение – единство лексем, сем и семем, осуществляющих предметную актуализацию ЛСВ.

Указанные измерения слова-знака налаживают три типа параллельных процессов, обслуживающих языково-логико-предметное выстраивание реальности как символически задаваемой онтологии. Онтологии «ореченной» – лексически, логически, ментально оформленной, второсигнально выраженной, понятийно одетствованной.

Многоразличные стороны данного наиважнейшего процесса изучаются лингвистической и логической семантикой. Пора поставить вопрос о развертывании семантики гносеологической (символогической). Нервом ее оказывается ментальная организация словесного материала под углом зрения выстраивания предметно-содержательных знаково-символических связей.

Вспомним классика: в предложении «Жучка – собака» сконцентрирована вся премудрость, вся полнота мыслительного воссоздания действительности.

«Жучка» – имя – выделяет объект материального мира и мысленного оперирования; является языковым выражением множества предметов (в языке – только общее) и ассоциированного с ними индивида (в «собирательной» форме – имя Жучка выделяет не конкретное существо, а «линейку» существ, подводимых под номинацию «Жучка»), связывает эти процессы с процедурами абстрагирования, генерализации, идеализации.

Опущенная, но подразумеваемая (или выводимая явно – вербально ли, остенсивно) глагольная связка «есть» приписывает, как минимум, лингвистическое, а как максимум, физическое существование (проблема бытия номинируемых, сигнифицируемых объектов).

Существительное «собака» вводит идею живого существа – «животного», подпадающего под биологическую (таксономия) и логическую (включение, исключение, пересечение, тождество, дополнение) систематику.

Одна фраза из двух слов как некий элементарный текст окутана плотным облаком родо-видового, координативно-субординативного, лексико-семантического подтекста. Inde: язык суть не только общее, но и неэлементарное опосредствующее.

Язык как система знаков унаследует и умножает характерную способность своей праформы (знака) переводить себя в другие знаки и оттого получать более полное развитие [16, V. 5, § 394]. «Более полное развитие» – внутренний прогресс на собственной основе – обеспечено самовозрастающей сущностью знака: «знак есть нечто, зная которое, мы узнаем нечто большее» [Ibidem, § 832].

За счет чего? За счет развертывания продуктивных расширяющих синтезов.

В варианте иконических знаков – изображения (фотография, портрет, схема, чертеж) – локомоцией креативности выступает ассоциативная идентификация, связывание предметных признаков по сходству.

В варианте знаков-индексов предметно-реконструктивное связывание осуществляется по правилам смежности (индикаторная зависимость типа «организм – термометр – самочувствие».)

В варианте символов конституируется условное связывание признаков на базе интерпретации: знаки есть некоторое А, обозначающее

факт, объект В для некоторой истолковывающей интеллигенции (в смысле Фихте) С [Ibidem, § 346].

Значение знака, следовательно, есть знак, в который оценочными, ассоциативными, интерпретативными актами оно переводится [Ibidem, § 132].

Обратим внимание на ключевое «переводится». Значение знака ознаковляется вследствие символического представления в мыслительной предметно-логической (внутренняя символизация) и речевой вербально-грамматической (внешняя символизация) форме. (На стадии «сигнификации» значение знака не переводится в перцептуальное «верификационное» значение, хотя последнее без труда может быть восстановлено. Достаточно проделать обратное нисходящее движение: вербальный знак → остенсив → знакооформитель → «чистое» восприятие с ономатопоэзисом → материальный объект (вещь).

Ознаковление знакового значения по своим гносеологическим последствиям в полном смысле слова революционно:

1. Оно запараллеливает грамматические и логические процессы, стимулируя развитие демонстративности. Овладение речью, непосредственное выстраивание фраз опирается на имплицитное использование содержащихся в языке многообразных строевых отношений

– конверсия, гипонимия, синонимия, антонимия, омонимия, полисемия;

– идентификаторы, конкретизаторы, актуализаторы, классификаторы;

– связывание членов предложения друг с другом: согласование – связь определяемого и определяющего по числу, падежу, роду, лицу; управление – связь определяемого и определяющего по грамматическим значениям; примыкание – синтаксическое подчинение, выражаемое не словоизменительными, а категориальными формами (позиционные, ситуационные связи).

Сугубо синтаксические, лексические параметры инициируют становление параметров логических – тождество, идентичность, координация, субординация, подчинение, соподчинение и т. п. Д.Н. Овсянко-Куликовский указывает: «Процессы и формы логической мысли, с одной стороны, и грамматической, с другой, – это явления, при всем их различии, родственные, и едва ли можно сомневаться в том, что между ними есть генетическая связь»; «логические понятия – субстанции, атрибута, действия, состояния и т. д. – развиваются постепенно при соответственных грамматических категориях, и столь же постепенно процессы анализа и синтеза, данные в грамматическом предложении, претворяются в логические, и грамматическое предложение дает бытие логическому» [10, с. XII, XIV – XV].

2. Оно распараллеливает отражение и представление (перцептуальный синкретизм); знаковые комплексы не отражают, а представляют. Сказанное утрируют объективные свойства знака

- материальность (чувственная данность);
- второсигнальность (нацеленность на выражение значения);
- автономность (содержание знака не тождественно материальной характеристике, что разлучает знаковость и вещьность);
- комплексность (содержание знака определяется различительными признаками);
- системность (содержание знака определяется его назначением в популяции знаков) [11, с. 27–28].

Содержание знака складывается исторически через закрепление в речи опыта познания предметного мира. Человеческая мысль, ассоциируя, обобщая, комбинирует не конкретными представлениями, не экземплярами, а классами. Чувственные впечатления, группируясь по сходству, смежности и т. д., как говорил Сеченов, «сливаются» в некие «средние итоги». Последние материализуются знаковым стимулом («яблоко»), индуцирующим специфическую модель самых общих сенсорных качеств, таких, как совокупное «представление» о круге, тяжести, вкусе фруктов и т. д. [2, с. 57]. Через знак «яблоко» ребенок присваивает общее мыслительное представление о «яблоке вообще» – «яблоковость» – без различения сортов яблок. Знак вводит акустический и ментальный заместитель (смысловая модель) общих сенсорных категорий, позволяющий мыслить «дубом, березой, елью» вне зависимости от визуального освоения [12, с. 155].

Складывание обобщенно-мыслительного содержания о предмете в онтогенезе выглядит, следовательно, как череда подвижек от ситуационных значений к знаковым понятийным значениям: «дуб», «ель» – «дерево» – «лес». Переход от «вот дерево», «это дерево» к «дереву вообще» соответствует переходу от содержаний остенсивов к содержаниям классов, что в выразительной плоскости подготавливается комбинированием лексическими и грамматическими значениями. Лексические значения передают внутренние предметно-логические свойства объектов определенного класса (существенные признаки в понятийном содержании). Грамматические значения передают те же свойства (из типизируемых признаков объектов класса) в их отношении к числу, процессу речи (время), пределу действия (совершенный–несовершенный вид) и т. д., т. е. знаковой артикуляции. Скажем, грамматическое число выражает представленность класса предметов одним или многими предметами; множественное число несет общее значение единственного числа, представляет все предметы данного класса, соотносится с множеством единичных значений единственного числа [11, с. 12].

Активная роль языка, как видно, вытесняет «отражение», оставляет «представление», коррелированное не с чувственной, а со смысловой освоенностью предмета, его данностью в идеальном поле значения.

3. Оно налаживает общение. На поверхности коммуникация – 3-тактный акт, включающий говорение – слушание – понимание.

Говорение и слушание – зеркальные процессы, состоящие из артикуляционного и акустического комплексов. Первый обслуживает звуковой эффект речи с участием генераторной (органы порождения звука), резонаторной (органы усиления-ослабления звучащего звука), энергетической (механизм дыхания) систем; управляется двумя условиями регуляции произнесения слов – произвольным и непроизвольным [6]. Второй обслуживает слуховой эффект речи (речь нацелена на диалог и без воспринимающего контрагента бессмысленна) в обозначенном выше диапазоне (в среднем от 16 до 20 000 Гц) с различием в качестве раздражителей звуков определенной высоты (частота колебаний), силы (амплитуда колебаний), долготы (продолжительность звука с количеством колебаний во времени), тембра (индивидуальные качества звуков – наличие обертонов, призвуков), доходящих до мозговых центров, обрабатываемых и предъявляемых к осознанию.

Понимание – многосложное связывание артикуляционно-акустического единства со значением.

Моменты «общения», социального потребления имманентны природе знака, что обнаруживается буквально во всех признаках его наиболее емкой характеристики, а именно: знак есть

- последовательность фонем, графем, хирем – второсигнальных рычагов интеракции;
- имеет значение (социально конституированное содержание);
- соотносится с другими знаками (системен);
- социален (циркулирует в пределах общности);
- единство формы и содержания (легализуемое автоматической реакцией на знак как на условный рефлекс членов языкового сообщества);
- сигнален (несет информацию о предметах действительности);
- сигнификативен (осуществляет связь предметов определенного класса со знанием о них);
- идентификативен (репрезентирует предметы, объединяет их в множества, выступает основой содержательного означивания) [14].

В абстрактном гносеологическом виде социальность проявляется уже в прямой лексической номинации – обращение явлений действительности в знаки, перевод фактов мира в факты языка, – актуализация которой подготавливается социогенетически – опять же обобщенно – в способностях: мышление – язык – действительность; язык – деятельность – общество.

В конкретном коммуникативном виде социальность проявляется в прямых модусах речевой практики – прагматический выбор языковых

средств для интерактивных ситуаций. Обособливаются пространства стилей общения – десигнативный (понятийно-содержательный), аппрециативный (хвалебный), прескриптивный (формативный); употребления речи в контекстах: информативном, оценочном, призывающем, систематизирующем и т. п. [15].

Список литературы

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. М.: Тип. П. Бахметева, 1860. Ч. 1. 195 с.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1956. Т. III. 331 с.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 264–389.
6. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: Изд. АПН, 1958. 370 с.
7. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 211 с.
8. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Либком, 1993. 168 с.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
10. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Изд. Жуковского, 1912. 298 с.
11. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967. 536 с.
12. Сеченов И.М. Элементы мысли. М.;Л.: ОГИЗ, 1943. 416 с.
13. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1972. Вып. 2. С. 146–152.
14. Языковая номинация. М.: Наука, 1977. 358 с.
15. Morris Ch. Signs, Language and Behaviour. N.Y.: Prentice Hall, 1946. 365 p.
16. Peirce Ch. Collected Papers. V. 1–8. Cambridge: Harvard University Press, 1931-1938, 1958.

THE NATURE OF SYMBOLIC ACT: SYNCHRONIC DIMENSION (PART 2)

V.V. Ilyin, A.A. Kalinin

MSTU named after N.E. Bauman, Moscow

The article is aimed at the analysis of the background and stages of incorporation of the individual in the symbolic circuit of culture. The growth of the human maturity is understood in terms of automorphic constitutive processes in the nearest zone of socio-cultural development.

Keywords: *socialization, personality, symbolic exchange activities.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор каф. философии ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

КАЛИНИН Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой физкультуры, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: kalinin@bmstu.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof., Dept. of Philosophy, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

KALININ Andrey Anatolievich – Chair of Physical education Department, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: kalinin@bmstu.ru